

ВИЗУАЛЬНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ОЧЕВИДНОЕ И НЕОЧЕВИДНОЕ

Л. Н. Летягин

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
leoletyagin@gmail.com

В истории градостроительных идей понятия *Pólis*, *Urbs*, *Civitas* раскрываются конкретными планировочными решениями и формами социального взаимодействия. Осмысление образной структуры Санкт-Петербурга представляется актуальным с учетом топологической определенности и ландшафтной «привязки». Эстетическим воплощением этих условий выступает системная организация Северной столицы – с доминирующей идеей регулярности и строгой регламентированности. С точки зрения антропологических проекций города, включенности современного субъекта в парадигму урбанистических сценариев термин *градовное* смышление утоняется во взаимосвязи сакрального и профанного, определяя единство многообразных социальных связей и коммеморативных практик. В этом плане идеальная прагматика «парадного парадиза» воспринимается важным культурным концептом, приобретая реальные зримые характеристики. «Ансамблевое мышление» позволяет сохранить представление о масштабности общего замысла, но сущностно конкретизируется в смысловых оттенках – практике тонких различений. В ситуации «целостного схватывания» ускользающих частных особенностей особо значима системная интерпретация неявных интроспективных решений. Город как семиотическое пространство включен в систему текстопорождающих механизмов, органично объединяющих принципы застройки и обусловленность повседневных сценариев местом действия. Предметом авторского рассмотрения выступает специфика перевода визуальных идиом на повседневный язык. Избранные для анализа примеры предполагают применение герменевтических подходов при атрибуции мемуарных источников и иконографического материала с его привязкой к системе топологических проекций. Санкт-Петербург возник и был исторически организован как пространство встречи мировых культур. Сам факт максимального приближения к границам государства, экс-центричность географического положения изначально предопределили его многоликость, являвшую собой потенциал активного межкультурного диалога. Так формируется этос города, сохраняющийся в единстве аксиологических проекций прошлого и настоящего. Динамика развития исторического города не может абстрагироваться от неизбежных и множественных локальных изменений, влияющих на его функциональную морфологию и ценностную стратиграфию. Однако в большом времени культуры взаимосвязь мемориальных контекстов не только нивелируется, но и усложняется. Это предполагает раскрытие вновь обнаруживаемых архитектурно-планировочных рифмовок, которые проявляются вне конвенцио-

нальной договоренности именитых петербургских зодчих. Конституирующими аспектами металандшафта столицы становятся смысловая реабилитация культурных идиом, этимологическая прокомментированность сценарных оппозиций, возможность выявления их внутренней формы. Аутентичная модель города, стратегии сохранения его наследия обращены к вероятностной логике воспроизводства – программам чтения, интерпретации, верификации. Только это позволит сохранить Идею Санкт-Петербурга как Мирового города в контексте современных урбанистических тенденций.

Ключевые слова: мемориальная политика, социальный миф, событийный сценарий, ценностная топография города, панорамное мышление, металандшафт, Санкт-Петербург

VISUAL PLURALITY OF ST. PETERSBURG: OBVIOUS AND UNOBVIOUS

Lev N. Letyagin

Herzen University,
St. Petersburg, Russian Federation
leoletyagin@gmail.com

St. Petersburg is one of the recognized UNESCO World Heritage sites. It arose and was historically organized as a meeting place for world cultures. The maximum approximation of the capital to the borders of the state initially predetermined its ethnic and confessional multiformity, which was the potential for active creative interaction. The subject of consideration in this publication is the dialogue of recognized world architects, whose professional task was the formation of the planning structure of the historical center of the capital. For a modern city dweller involved in the sphere of domestic relations, the historical landscape undergoes semantic reduction. The figurative system of ensembles and monumental monuments comes to be only an impersonal background of everyday life, while the scale of architectural projects and urban planning ideas is leveled and simplified. However, the cultural heritage is turned to the probabilistic logic of reproduction, which can be done with the help of reading, interpretation and verification programs. Based on the comparison and comprehensive assessment of historical sources, statistical data and memoir documents, attribution and disclosure of new semantic oppositions of the urban structure are proposed. The examples selected for the analysis implied the use of hermeneutic approaches in the attribution of historical material with its binding to a system of topological projections. An important place in the knowledge of St. Petersburg belongs to the languages of the non-obvious, the disclosure of the unmanifested aspects of its value structure. The specificity of

the translation of visual images into everyday language becomes the primary subject of consideration. The city as a semiotic space is included in the system of text-generating mechanisms that combine the planning principle of building and the conditionality of everyday scenarios by the place of action into a single whole. A certain unity of behavioral models can act as a criterion for characterizing the urban space, which actualizes the position of the urban observer. Thanks to this, "la promenade de l'Empereur" – the route of Emperor Alexander I's daily walks – is specified, and a commentary is offered on the political scenario for the opening of the monument in his honor. The fact of the installation of the Alexander Column is assessed not only as a memory of the merits of the emperor, but also as an event that determined the legitimacy of the power of his successor, Emperor Nicholas I. The modern city acts as a historically defined visual diversity. The semiotic analysis of urban phenomena is focused on the integration of this unique content. The inevitable changes in the value structure of the city are replaced by the production of new spatial connections. The meaning-generating mission of St. Petersburg is the experience of constant discovery and acquisition, the production of the value presence of man.

Keywords: memorial policy, social myth, event script, value topography of city, visual thinking, meta-landscape, Saint Petersburg

DOI 10.23951/2312-7899-2023-4-119-142

Открытые для обозрения панорамы – отличительная черта Санкт-Петербурга. Этот эстетически уникальный планировочный аспект пронизательно отмечен Александром Бенуа: «Он, если красив, то именно в целом или, вернее, огромными кусками, большими ensemble'ами <...>, выдержанными в известном типе» [Бенуа 1902, 1]. Доминирующий концепт пространственной *сплошности* инициирует принципы временной континуальности современного мегаполиса как событийного единства. Его ландшафтные миры раскрываются в исторической многоликости портретных типажей и социальных типов. Как писал В. Розанов, «где Илион – там и Тирсит, но есть и Приам; где Иерусалим – там найдется и Иуда, но есть и Божия Матерь. *Город* – никогда не плох. *Город* – *святыня*, потому что он "множество"...» [Розанов 2001, 86].

Культурный фон столичной повседневности детализируется соотнесенностью с ним определенной системы поведенческих моделей, которые способны выступать приоритетным критерием характеристики урбанистического пространства как смыслового единства [Летягин 2004]. В журнале Камер-фурьерской части Зимнего дворца отразились информативно сдержанные записи о многочисленных выездах императора Александра I. Вот краткие

рукописные отметки от 9 ноября и 19 декабря 1816 года: «В четверг. Холоду было 7 градусов. В исходе 12-го часа Его Величество имел верховый выезд к разводу...». «Во вторник. Холоду было по утру 4 градуса. В половине 11-го часа утра Государь Император имел выезд в санях в Михайловский экзерцизгауз, где изволил смотреть Лейб-гвардии Преображенский полк. <...> По прибытии Государь Император выезд имел по городу в санях...» [Журнал 1816, 436 об., 507 об.]. В теплое время года это была поездка в карете или дрожках. Особый интерес у столичных обывателей вызывали те нередкие случаи, когда «Его Величество имел выход прогуливаться пеша». В качестве одной из устойчивых идиом Александровской эпохи бытовало понятие “le tour Impérial” (la promenade de l’Empereur), или «большой круг императора». С этими пешими прогулками связано немало анекдотических эпизодов [Лесков 1880; Вяземский 2017, 71–72, 167]. Неизменность установленного порядка следования сохранялась на протяжении десятка лет и представляет особый интерес как индивидуально выбираемый визуальный сценарий. Идиоматический характер в этом случае приобретал сам принцип обозрения столицы, свидетельствуя о том, какие городские впечатления были для Александра I преимущественно значимыми.

На основе мемуарных свидетельств достаточно детально воссоставляются подробности излюбленного императорского маршрута. В комментариях к роману «Евгений Онегин» Ю. М. Лотман приводит фрагмент воспоминаний графа В. Соллогуба [Лотман 1983, 75]. Как отмечалось в тексте мемуаров, «прогулка повторялась каждый день <...>. Какая бы ни была погода, государь шел в одном сюртуке с серебряными эполетами и в треугольной шляпе с султаном, надетой набекрень»¹ [Соллогуб 1998, 33]. После выхода «Комментариев» данный фрагмент многократно воспроизводился и стал наиболее частотным, по существу, единственным, источником информации о le tour Impérial. Вне широкого исследовательского интереса оказались мемуарные свидетельства графа М. Бутурлина² и Дмитрия Свербеева³ [Бутурлин 2006; Свербеев 2014], важные

¹ «В час пополудни он выходил из Зимнего дворца, следовал по Дворцовой набережной, у Прачешного моста поворачивал по Фонтанке до Аничковского моста <...>. Затем государь возвращался к себе Невским проспектом» [Соллогуб 1998, 33].

² «Государь ежедневно почти ходил от Зимнего дворца по всему Невскому проспекту и, пройдя Аничков мост, поворачивал налево по набережной Фонтанки до Прачешного моста, а оттуда по Невской набережной, мимо Летнего сада возвращался во дворец» [Бутурлин 2006, 77].

³ «Император Александр имел сам обыкновение ежедневно часу в первом делать свой круг прогулки, выходя из дворца на Адмиралтейский бульвар, потом шел по Английской набережной и по Фонтанке мимо Аничкова и других мостов к Прачешному и возвращался к себе по Дворцовой набережной [Свербеев 2014, 166].

указанием на принципиально противоположный маршрут прогулок императора. Необходимо подчеркнуть, что не продолжительность моциона, а именно *порядок следования* определял панораму пейзажных впечатлений Александра I, значимость избранного им сценария обзора. Это позволяет прояснить Usus Practicus маршрута, его внутреннюю мотивацию, характер пространственных привязок, взаимосвязь и последовательность поворотных точек.

Именно так – возвращающимся в Зимний дворец по набережной Невы – изображен Александр I на картине Григория Чернецова (ил. 1). В сопровождении двух собак он спускается по ступенькам Эрмитажного моста, что точно указывает на направление его движения.

Ил. 1. Г. Г. Чернецов. Александр I на набережной Невы, 1823 г. Музей изобразительных искусств Республики Карелия (поступил из собр. П. И. Кутузова в Санкт-Петербурге).

В аналогичном ракурсе император представлен на широко известных литографиях Ф. Алексеева, К. Кольмана и С. Галактионова, выполненных по рисунку Александра Орловского. На них запечатлен «Александръ I, гуляющій по набережной рѣки Невы; онъ въ ботфортахъ и треуголкѣ; вдали видны крѣпость и корабли...» [Ровинский 1889, 98–99] (ил. 2).

Ил. 2. Ф. Алексеев. Его Величество Император Александр Первый.
Колоризированная гравюра по оригиналу А. О. Орловского-Иглесона.
Первая половина 1820-х гг. [Ровинский 1889, 98-99, № 457]

Композиционным повторением этих изображений (вплоть до воспроизведения обычных для панорамы Невы кораблей или малозначительных деталей – тротуарной тумбы и теней на гранитном парапете) является редкий гравированный портрет Николая I [Ровинский 1889, 221]. Рядом с ним стоит десятилетний цесаревич Александр. Их двойной портрет являл очевидный контраст с одинокой фигурой старшего брата императора, не оставившего прямых наследников (см. ил. 3). Подобное образное замещение имело характер продуманной политической инсценировки. Аналогичным примером может служить «Картинка, передѣланная изъ прогулки Императора Александра I въ окрестностяхъ Петербурга. Въ коляскѣ сидятъ, вмѣсто Александра I, – Императоръ Николай I, Императрица Александра Ѳеодоровна и Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ; всё прочее оставлено какъ въ первыхъ отпечаткахъ. <...> Внизу вырѣзана другая подпись...» [Ровинский 1889, 27].

Ил. 3. Неизвестный гравер. Николай I,
Император и Самодержец Всероссийский.
Его Императорское Высочество Великий князь Александр Николаевич,
Наследник Всероссийского престола. Колоризированная гравюра. 1828 г.
Фигура Николая I скопирована с гравюры Bromley'a
[Ровинский 1889, 221, №93]

Восходящим к рисунку А. О. Орловского, точнее, растиражированным гравюрам, изображающим Александра I во время прогулки, с большой степенью вероятности относится пушкинский замысел иллюстрации к «Евгению Онегину» (ил. 4). Этим он озадачивает брата Льва Сергеевича: «Вот тебе картинка для Онегина – найди искусный и быстрый карандаш. Если и будет другая, так чтоб все в том же *местоположении*» [Пушкин 1996, 119].

Наряду с узнаваемыми собеседниками в письме под рисунком указывались конкретные визуальные маркеры невской панорамы: «...3 Лодка, 4 Крепость, Петропавловская», – и настойчиво повторялось: «Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно» [Пушкин 1996, 119]. В предложенном композиционном решении значимой представлялась именно данная видовая точка [Стеклова 2014, 289–290], что провокационно проецировалось на характер

сандра Павловича, отмеченная многими современниками. Что им обозревалось во время пеших прогулок, с каким чувством? Множественность столичных впечатлений предполагала свою особую прагматику и была актуальна в биографическом плане. В основных пунктах *le tour Impérial* угадывается узнаваемый мемориальный след. Прежде всего это Казанский собор, олицетворявший события 1812 года, Аничков дворец брата Николая на Невском проспекте, далее – Шуваловский дворец на Фонтанке, связанный с памятью внебрачной дочери Софии Нарышкиной... На отрезке следования по левому берегу Фонтанки к ее истоку обязательной точкой притяжения Александра I должен был стать Михайловский замок Павла I с обращенными на набережную окнами бывшей великокняжеской половины – угловых комнат первого этажа, где молодой император в ночь цареубийства услышал историческое наставление графа П. А. Палена: «Перестаньте плакать, идите царствовать...»

Из многих типов петербургских мифов в числе наиболее устойчивых В. Н. Топоров выделяет «урочищные» и «культовые» мифы «вплоть до их привязки к “узким” локусам» [Топоров 1995, 348]. Напоминание о двойственной роли в событиях мартовской ночи 1801 года будет сопутствовать Александру I всю царственную жизнь. Пушкин приводит «славную шутку» Ж. де Сталь: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой» [Вольперт 2010, 395–398]. В своем тенденциозном обзоре Санкт-Петербурга французский путешественник отметит: «Сегодня русские проходят мимо старого Михайловского замка, не осмеливаясь поднять на него глаза: в школах, да и вообще где бы то ни было запрещено рассказывать о смерти императора Павла; более того, запрещено принимать на веру этот эпизод» [Кюстин 1996, 135]. 11 марта 1833 года, после панихиды в Петропавловском соборе в день поминовения Павла I, его внук цесаревич Александр записал в дневнике: «Обедал один с моими бесценными родителями, и тут Папа мне рассказал, как императрица Екатерина заставила Петра III низложиться, как он был убит Орловым в Ропше, как она вошла на престол, обходилась с Павлом и, наконец, о вступлении на престол Павла I и его умерщвлении, и не велел мне никому о сем говорить» [Захарова 1993, 59].

Со слов графини Анны Протасовой известна «любимая» мысль Павла I, не раз им повторявшаяся: «На этом месте я родился, здесь хочу и умереть» [Лелина 2010, 283]. Личные покои императора располагались в бельэтаже Михайловского замка непосредственно над Зачатьевскими и Рождественскими воротами, что стало неслучайным элементом авторской планировки высочайше задуманного

архитектурного комплекса. Здесь императору было суждено провести последние 40 дней жизни. Мистическим пророчеством в его биографии стало предсказание Ксении Петербургской, что Павел Петрович не проживет более лет, чем содержится букв в надписи на фронтоне замка, позаимствованной по его указанию с фасада строившегося Исаакиевского собора: «Дому Твоему подобаешь святых Господня въ долготу дней». Букв было 47...

Субъектом истории многие *случайные* факторы мыслятся *закономерными*. В судьбе Александра I не менее мистически «прозревалось» соответствие конкретным хронологическим сценариям [Летягин, 2017]. Городская молва приписывала императору фразу: «В год наводнения родился, в год наводнения уйду», – что символически отождествлялось современниками с вехами его жизни. Стихийное бедствие 1824 года «тронуло глубоко чувствительность монарха, но на умы народа сделало впечатление другого рода. Известно, что перед рождением Его Величества было подобное наводнение 1777 года. По вступлении его на престол 1802 года также, хотя не столь великое. Из сего заключили, что в судьбе Александра I должна опять последовать какая-либо перемена...» [Заикин 1827, 4].

Разрушительное наводнение, воспетое Пушкиным в «Медном всаднике», действительно могло восприниматься прологом исторического ухода. За «призраком» императора еще долго продолжал тянуться памятный след: «И сам я по моей державе / Начну легендою ходить», – напишет полвека спустя К. Случевский. «Незримый путешественник», или «кочующий деспот», сотворил актуальный для современников поведенческий миф, который в биографической перспективе обернется для потомков неразгаданной тайной старца Федора Кузьмича.

Александр I скончался 19 ноября (1 декабря) 1825 года. Трагическая новость из Таганрога стала известна в Санкт-Петербурге с опозданием на неделю. Об этом Николай I оставит следующую дневниковую запись: «27 (9 декабря) Пятница. Ужасный день. <...> Нашего Ангела нет больше на этом свете! Конец моему счастливому существованию, которое он создал для меня! Служить ему, его памяти, его воле – вот чему посвящаю я остаток моих дней, – все мое существование! Да поможет мне Бог и да пошлет мне его в ангелы-хранители» [Сыроечковский 1926, 68].

В обиходе царской семьи и близкого круга лиц именование *ангел* оказывается наиболее частотным при любом упоминании импера-

тора Александра Павловича. Об этом свидетельствуют собственноручные записки Николая I, его «памятные книжки», переписка с матерью, императрицей Марией Федоровной. Особый оттенок подобное упоминание приобретало в декабре 1825 года. Домашние разговоры о престолонаследии не были делом семейным и выходили далеко за пределы дворцовой интриги [Успенский 2018, 268–282; Высочков 2019, 65–81]. Содержание завещания Александра I не было тайною для современников, что в период междуцарствия стало предметом обсуждения обеих столиц. Как вспоминала Елизавета Янькова, «чтобы положить конец разным глупым и злоумышленным толкам насчет того, кто будет государем, сочли нужным поспешить коронованием <...>. Приезд Константина Павловича был очень нужен, чтобы совсем рассеять пустячные толки, будто бы меньшой брат воцаряется без его ведома, а кто говорил – и вопреки его воле» [Янькова 1989, 310]. Однако в политическом отношении реальным конкурентом Николая I на престол был вовсе не брат Константин. Именно поэтому вопрос легитимности власти нового императора сохранял повышенную степень актуальности и десятилетие спустя. Особую роль в его окончательном решении должен был сыграть памятник «почившему монарху».

Созданию Александровской колонны и церемониалу ее открытия посвящены многочисленные работы, отразившие динамику идейных подходов и смену исследовательских приоритетов [Шурыгин 1962; Ротач 1966; Стернин 2007, 46–64, 333–336; Гузаиров 2009]. Вместе с тем в интерпретации образной структуры монумента менее всего оказалась отражена личная роль Николая I, которому в качестве заинтересованного заказчика всецело и по существу принадлежала ключевая идея концепции.

Статс-секретарь В. Панаев, директор канцелярии Министерства Императорского Двора и особо доверенное лицо министра П. М. Волконского, вспоминал: «Памятник покойному императору будет воздвигнут <...> под особенным личным его, царствующего государя, попечением. Вследствие этого повелено было приискать в Финляндии такой кусок гранита, чтобы выделенная из него колонна превосходила величиною все доселе известные монументы» [Панаев 1892, 290].

В планировочной структуре Санкт-Петербурга термин «градовое смышление» (его толкование отражено в «Азбуковниках» XVII в. [Громов, Козлов 1990, 281]) раскрывается в новом содержательном качестве – мемориальным воплощением конкретных политических концептов. Датский критик Георг Брандес точно сфор-

мулировал внутренние целевые установки формирования русской национальной школы, которые в характеристике образной атмосферы имперской столицы можно считать определяющими: «Истина в том, что когда смотришь на Зимний дворец в Петербурге, возведенный по проекту итальянца Растрелли, или на прекрасную конную статую, изваянную французом Фальконе <...>, то снова и снова спрашиваешь себя, что же сделали, собственно, сами русские. Но вместе с тем понимаешь, что русские использовали труд чужеземцев в своем национальном духе» [Брандес 2002, 54]. На протяжении всех лет создания Александровской колонны происходила бесконечная корректировка ее физических пропорций, соотносительных величин, в чем закономерно видеть последовательное изменение программных установок⁴. Отражение побед русского воинства было важной, но не единственной темой политической повестки. Это во многом объясняет общеизвестный факт, что Николай I постоянно вмешивался в творческий процесс создания колонны своим «монаршим попечением» [Шурыгин 1962, 52, 55; Ротач 1966, 40–41, 43]. Именно он формулировал задачи привлеченным для этой цели профессиональным исполнителям, директивно утвердил «портретное» сходство Ангела с внешностью императора Александра, что отразится в разноречивых оценках современников и станет устойчивой темой городской мифологии. В этом отношении именно личность Николая I как полновластного заказчика выступает на первый план. Именно ему по праву принадлежала полнота раскрытия основного замысла *олицетворения* монарха, преемником которого он стал.

Семантическая реабилитация культурных идиом определяется методологической установкой на выявление адекватного конструктивного принципа, проясняющего внутреннюю форму рассматриваемых явлений. Ю. М. Лотман отмечал неизбежную проблематичность включения в функциональный обиход любого новаторского произведения искусства, как и изъятых из исторического контекста археологических находок, которые «первоначально даны нам как тексты на н и к а к о м языке. Нам надо знать, что это тексты, но код для их прочтения предстоит нам сформулировать самим» [Лотман 1992, 472–473]. Такой подход принципиально изменяет представление о роли случайных факторов. Программа выявления

⁴ «В первообразном своем виде камень имел двадцать восемь сажен, но Монферан (так в тексте. – Л. Л.), по своим соображениям, счел нужным укоротить его на две сажени. Многие об этом сожалели <...>. Если это допущено комиссией и Государем, стало быть, причина была уважительная» [Панаев 1892, 290].

«неочевидного», гипотетического содержания может быть сведена к трем взаимосвязанным оценочным процедурам: а) атрибуция рассматриваемого материала как особым образом организованного семантического единства, т. е. полноценного текста, обладающего внутренней структурой; б) установление культурного кода, при посредстве которого данный текст был создан; в) последующая предметная интерпретация на «языке» подлинника.

Общая высота Александровской колонны (включая постамент и венчающую фигуру с крестом) составила 47,5 м, что могло соответствовать неполным 48 годам жизни Александра I; в этом случае высота монолитного ствола колонны (25,5 м) ассоциировалась с годами его царствования. Наделение Александровской колонны дополнительными смыслами, возможная избыточная семиотизация не отрицают продуманного в мелочах идеологического характера монумента, подчеркивая, в какой степени «геометрические универсалии архитектуры» способны резонировать с «ментальными универсалиями» [Стеклова 2014, 286]. «Биографическая соразмерность» памятника, гипотетически устанавливаемая в системе масштабных соотношений, как и «лицеподобие» ангела, менее всего имели окказиональный характер, выступая означающим элементом общей идеи монумента. Подобные примеры Г. Вдовина предлагает рассматривать как «языки неочевидного», а Ю. Лотман и Б. Успенский – в качестве «элементов текста старой культуры с утраченным кодом, то есть как тот случай, когда текст переживает код» [Лотман, Успенский 2010, 489]. Русские сажени приобретали дополнительное согласование в соотношении с метрической системой, принятой во Франции, выступая условием перевода политических концептов на язык визуальных форм: «Недаром лик сей двуязычен. / Таков и был сей властелин...» [Пушкин 1995, 206]

На большом источниковедческом материале обстоятельный анализ литературной рецепции Александровской колонны был предложен С. О. Шведовой [Шведова 2006]. В числе стихотворных текстов середины 1830-х годов особое внимание обращают несколько строк из сонета Семена Стромилова:

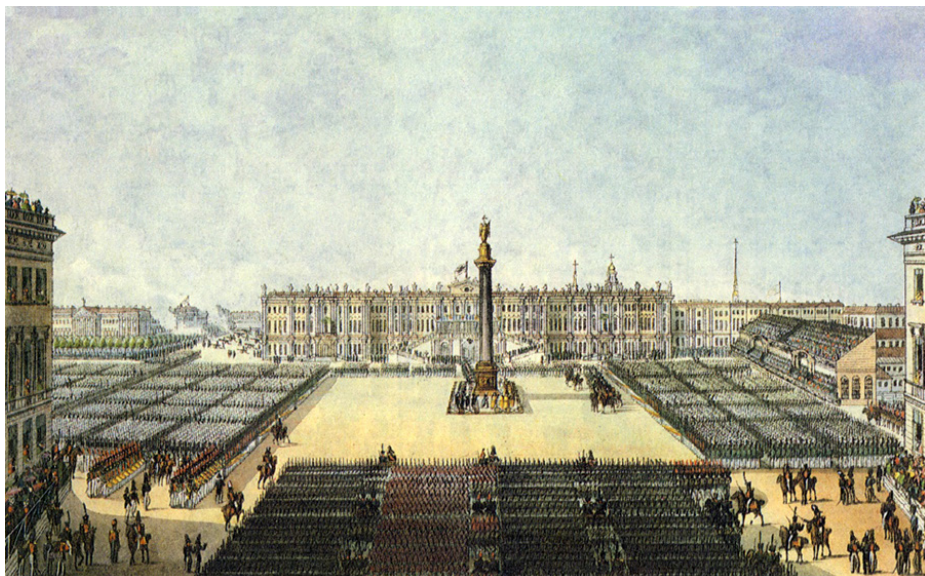
И житель горнего селенья,
России страж, с крестом спасенья
На ней престол поставил свой...

«В Бозе почивший» *небесный страж России*, выполняя символическую функцию, оказывался промыслительно исключенным из дел земных, что в комплексе ассоциативных установок выступало,

пожалуй, основной целью Николая I. Церемониал открытия Александровской колонны, характер идеализации образа предшественника на престоле оставляли в прошлом легенды о старце Федоре Кузьмиче – странствующем императоре. Если для В. Жуковского в этот день были столь умирительны «слово *вечная память* и имя Александра» [Жуковский 2001, 63], более прагматично и четко это сформулировал иностранный путешественник: «Вычеркнуть минувшее царствование из памяти приказывают разом и чувства, и политика» [Кюстин 1996, 179]. Этот важный аспект, значимый для сохранения внешней стабильности власти, убедительно прокомментирован Б. Успенским: «Только в эпоху Николая I складывается образ законного царя, что подразумевает не только его легитимность, но и наличие регламентирующей базы самодержавного правления» [Успенский 2002, 400]. Миф уступал объективным историческим реалиям. Эту способность Николая I точно подметит А. Кюстин: «Повсюду заменяет он кажущееся на подлинное» [Кюстин 1996, 291]. Памятник старшему брату, поставленный от имени «благодарной России»⁵, становился зримым воплощением политической самостоятельности нового императора, единственного законного преемника власти. Именно поэтому частью церемониала открытия Александровской колонны стало не только исполнение нового гимна «Боже, Царя храни» [Розина 2012], но и всеобщее пение «со святыми упокой» [Панаев 1892, 292]. Косвенным образом сложно вербализуемую программу монумента прокомментирует В. Жуковский: «Как поразительна была в эту минуту сия противоположность житейского величия, пышного, но скоропреходящего, с величием смерти, мрачным, но неизменным». <...> На высоте ее уже не человек скоропреходящий, а вечный сияющий ангел...» [Жуковский 2001, 63, 64–65].

Как отмечал Ю. М. Лотман, с пушкинской эпохи понимание ценностных оппозиций в городском ландшафте «следует связать со специфически “петербургской” традицией оживления и одухотворения архитектуры и – шире – города как единого живого существа» [Лотман 2010, 182–183].

⁵ «Безличность» формулы постулировала особую идейную мотивацию. Памятник Александру I был поставлен не волею монарха, а всенародно, что противопоставлялось смыслу посвящений на памятниках Фальконе и Растрелли, включавших элемент самопрезентации при указании на царственных предшественников: «Петру Первому – Екатерина Вторая», «Прадеду – Правнук».

Ил. 5. Парад на Дворцовой площади 30 августа 1834 г. по случаю открытия Александровской колонны. Акварель (до 1837 г.) из альбома Марии Тальони «Виды С.-Петербурга», принадлежавшего С. М. Лифарю. Источник:

[Зильберштейн 1993, 128–129]

Открытие Александровской колонны (ил. 5) стало ярким звеном в системе памятных событий 1830-х годов. Большой сценарий включал торжества по случаю восстановления Нарвских ворот, начало проектных работ по возведению Московской триумфальной арки, перестройку Чесменского дворца и организацию в нем богадельни и госпиталя для ветеранов войны с Наполеоном. В декабре 1837 года будут открыты памятники М. Кутузову и М. Барклаю де Толли на площади у Казанского собора. Сегодня в сознании горожан эти выдающиеся монументальные объекты, важные в формировании мемориальной структуры Санкт-Петербурга, воспринимаются удаленными самостоятельными докусами, но не слагаемыми одной событийной парадигмы. Историческая реальность упрощается не столько с утратой культурных памятников, сколько с потерей чувства семантической «обжитости» пространства. Как справедливо полагал Поль Рикер, памяти противостоит не забвение, а забвение забвения. В меру вовлеченности современного субъекта в сферу жизнедеятельности и бытовых отношений исторический ландшафт, представленный рядом культурных идиом, подвергается неизбежной смысловой редукции. Действительная «сложность» участия человека в системе городской коммуникации объясняется

тем, что город протяжен не только (возможно, что и не столько) в пространстве, сколько во времени»; именно это «определяет сильную ментальную напряженность урбанистического бытия» [Соломин и др. 2014, 126–127]. В этой ситуации свою деструктивную роль проявляют возможные замещения и неизбежные ценностные подмены.

Строительный бум начала XX столетия положил начало отечественной архитектурной критике. В обсуждении нарушений регламента исторической застройки, искажавших классический облик Петербурга, авторитетно заявили протестующие голоса искусствоведы, архитекторы, профессора университета [Бенуа 1899; Бенуа 1902; Лернер 1916; Лукомский 1917; Лансере 2012, 283–284]. Предметом журнальных дискуссий стали многочисленные визуальные деформации, в которых терялись «типичная картина Старого Петербурга» [Лукомский 1917, 63], «цельность и выдержанность в известном характере» [Бенуа 1902, 4]. Об этом позднее в очерке «Закат над Петербургом» размышлял Георгий Иванов: «Главный фасад – на Неву – восхитительного здания Адмиралтейства застроили безобразным театром Немецки и другими уродливыми доходными домами. <...> На Невском, как грибы, вырастали одно за другим “роскошные” здания – настоящие “монстры”...» [Иванов 1994, 461].

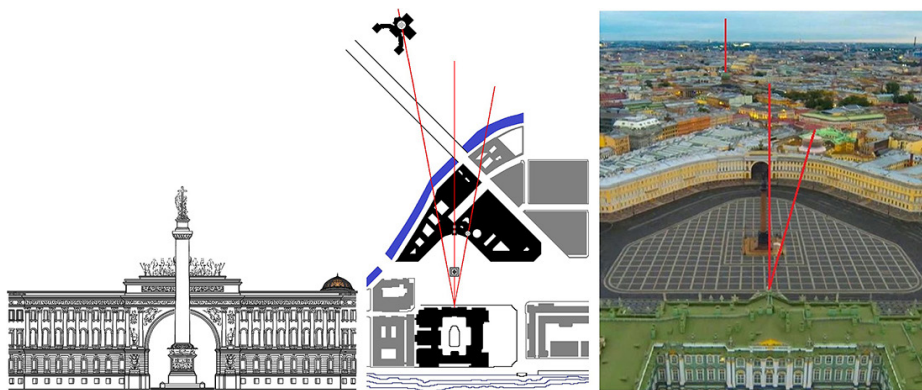
Как факт небрежения к архитектурному наследию одним из наиболее дискуссионных стал проект реконструкция купола библиотеки Главного штаба [Лукомский 1917, 32–33]. Его «вторжение» в классическую планировку Дворцовой площади воспринималось очевидным диссонансом, разрушавшим цельность замысла Карла Росси – строгую симметрию ансамбля двух министерств, объединенных общей аркой. Вместе с тем историческая динамика столичного центра не может абстрагироваться от неизбежных локальных преобразований. Это не исключает актуализации новых видовых точек, продуцирующих накопление ценностных смыслов.

В системе знакового опосредования городской структуры возможную системообразующую роль выполняют те изменения архитектурного облика, которые первоначально оцениваются в качестве градостроительной ошибки. Взаимосвязь мемориальных контекстов в большом времени культуры не только нивелируется, но может неожиданным образом уточняться и усложняться. В семиотическом конструировании урбанистических феноменов [Иг-

натъев 2017, 27-29] легализация языков неочевидного представляет одним из перспективных направлений современных городских исследований. Это предполагает раскрытие вновь обнаруживаемых планировочных рифмовок [Летягин 2003, 151], возникающих помимо формотворчества и конвенциональной договоренности архитекторов.

Так, Казанский собор и церковь Воскресения Христова (Спас-на-Крови) как архитектурные цитаты узнаваемых соборов Рима и Москвы могут восприниматься зримым отражением духовного завещания старца Филофея, что уже было неоднократно отмечено. Данный «визуальный подстрочник», актуализируя перенесение столицы Христианского мира в город Святого Петра, подчеркивает и особый статус Невского проспекта в качестве *Via Sacra* – концентрированным расположением храмов всех христианских конфессий.

В противостоянии *горнего* и *дольнего* важен выбор точки обзора. Неожиданный перспективный ракурс открывается, если оказаться в центре южной анфилады Зимнего дворца. Относительно основной композиционной оси, соединяющей Александровскую колонну и колесницу Ники, на линии ампирных фасадов Росси, устанавливается симметричное равновесие куполов Казанского собора и библиотеки Главного штаба. Раскрывающаяся при этом панорама формирует систему зрительных координат, включающую центральные площади города в единое мемориальное пространство, ассоциированное с доблестными событиями 1812 года (ил. 6).

Ил. 6. Ситуационный план и панорамный вид центральной части Санкт-Петербурга с проекцией от Зимнего дворца на видовые точки мемориальных площадей

Так формируется металандшафт Санкт-Петербурга – наиболее значимая часть его имперского подстрочника.

Целостность национального наследия определяется не остранными моделями презентации, а сущностной потребностью индивидуального сознания, его ценностными структурами [Пружинин и др. 2019; Игнатъев 2019; Шоломова 2019 а; Шоломова 2019 b]. В этом плане субъективный человеческий опыт способен выступать корректирующим фактором, уточняющим объективные механизмы культурного воспроизводства. Об этом в романе «Русские ночи» размышлял В. Ф. Одоевский, противопоставляя стереотипным академическим подходам позицию человека, не знакомого с «методом тех историков, которые читают только то, что написано в летописи, а никак не хотят прочесть того, что в ней не написано» [Одоевский 1975, 84]. Идеологическая топография Мирового города способна инициировать собственные семиотические закономерности на основе неочевидных визуальных связей, которые, однако, невозможно исключить из событийной заданности его ценностной структуры. Образная множественность Санкт-Петербурга бесконечно возрождается в единстве исторического облика. Главный *петербургский миф* – это неисчерпаемость потенциальных смыслов, миф вечного Творения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бенуа 1899 – *Бенуа А. Н.* [Б. Веньяминов]. Агония Петербурга // Мир искусства. 1899. Т. II, № 15, ч. II, отд. 2. С. 16–17.
- Бенуа 1902 – *Бенуа А. Н.* Живописный Петербург // Мир искусства. 1902. Т. VII, № 1, отд. III. С. 1–5.
- Брандес 2002 – *Брандес Г. М. К.* Русские впечатления. М.: ОГИ, 2002. (Перекресток культур).
- Бутурлин 2006 – Записки графа М. Д. Бутурлина. М., 2006. Т. I.
- Вольперт 2010 – *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция: интернет-публикация. 3-е изд., испр. и доп. Тарту, 2010.
- Вяземский 2017 – *Вяземский П. А.* Записные книжки. М.: Захаров, 2017.
- Высочков 2019 – *Высочков Л. В.* До междуцарствия. «Ангел» Александр и великий князь Николай Павлович (1819–1825) // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2 (22). С. 65–81.
- Громов, Козлов 1990 – *Громов М. Н., Козлов Н. С.* Русская философская мысль X–XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Гузаиров 2009 – *Гузаиров Т. Т.* Открытие Александровской колонны в Петербурге: продуманный сценарий и неожиданный эффект // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия. Тарту: Tartu ülikooli kirjastus, 2009. Вып. VII. С. 111–127.

- Жуковский 2001 – Жуковский В. А. Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года // Василий Жуковский: [Проза поэта]. М.: Вагриус, 2001. С. 60–66.
- Журнал 1816 – Журнал Камер-фурьерской части. 1816. РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (29/1619). Д. 11.
- Заикин 1827 – Заикин И. И. Последние дни жизни незабвенного монарха, в Бозе почивающего государя императора Александра I. Все здесь писанное взято из достоверных записок очевидцев и приближенных покойного государя. СПб.: Печ. в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1827.
- Захарова 1993 – Захарова Л. Г. Дневник цесаревича // Родина. 1993. № 1. С. 54–59.
- Зильберштейн 1993 – Зильберштейн И. С. Парижские находки. Эпоха Пушкина. М.: Изобразительное искусство, 1993.
- Иванов 1994 – Иванов Г. В. Собрание сочинений. М.: Согласие, 1994. Т. III: Мемуары; Литературная критика.
- Игнатьев 2017 – Игнатьев Д. Ю. Коммуникативная онтология города: семиотическое конструирование урбанистических феноменов // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 4 (45). С. 27–29.
- Игнатьев 2019 – Игнатьев Д. Ю. Этос города в ракурсе философской урбанистики // Этическое и эстетическое в образовании. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 72–76.
- Кюстин 1996 – Кюстин А. Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. I.
- Лансере 2012 – Лансере Н. Е. Старый Петербург. СПб.: Коло, 2012.
- Лелина 2010 – Павел I без ретуши: антология / сост., коммент. Е. И. Лелиной. СПб.: Амфора, 2010.
- Лернер 1916 – Лернер Н. О. Прекрасный Петроград // Столица и усадьба: журнал красивой жизни. 1916. № 68. С. 13.
- Лесков 1880 – Лесков Н. С. Анекдот об императоре Александре I // Исторический вестник. 1880. Т. II, № 7. С. 556–557.
- Летягин 2003 – Летягин Л. Н. Черновики и подстрочники петербургского культурного текста // Жизненный мир поликультурного Петербурга. СПб.: Астерион, 2003. С. 150–155.
- Летягин 2004 – Летягин Л. Н. Человек поступающий: опыт эстетической аналитики // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. Т. 4, № 7. С. 25–33.
- Летягин 2017 – Летягин Л. Н. Лицейский универсум «Порфирородного отрока»: историческая морфология биографических сценариев // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 3 (44). С. 67–70.

- Лотман 1983 – *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1983.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. I.
- Лотман 2010 – *Лотман Ю. М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн: TLU Press, 2010.
- Лотман, Успенский 2010 – *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2010. С. 485–503.
- Лукомский 1917 – *Лукомский Г. К.* Старый Петербург: прогулки по старинным кварталам столицы. Петроград: Свободное искусство, 1917.
- Одоевский 1975 – *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975.
- Панаев 1892 – *Панаев В. И.* Памятник императору Александру I-му // Русская старина. 1892. Т. LXXVI, вып. 11. С. 289–295.
- Пружинин и др. 2019 – *Пружинин Б. И. и др.* Антропология музея: концептосфера идей, исторического диалога и сохранения ценностных констант (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 5–23.
- Пушкин 1996 – *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. М.: Воскресенье, 1996. Т. XIII.
- Ровинский 1889 – *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб.: Тип. Акад. наук, 1889. Т. I.
- Розанов 2001 – *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. М.: Республика, 2001.
- Розина 2012 – *Розина И. В.* «Народная песня», «Гражданская молитва»: официальный государственный гимн Российской империи // Аналитика культурологии. 2012. № 2 (23). С. 164–166.
- Ротач 1966 – *Ротач А. Л.* Александровская колонна. Л.: Стройиздат, 1966.
- Свербеев 2014 – *Свербеев Д. Н.* Мои записки. М.: Наука, 2014.
- Соллогуб 1998 – *Соллогуб В. А.* Воспоминания. М.: Слово, 1998.
- Соломин и др. 2014 – *Соломин В. П., Летягин Л. Н., Игнатъев Д. Ю.* Образовательный универсум города: педагогические аспекты философской урбанистики // Нижегородское образование. 2014. № 2. С. 124–129.
- Стеклова 2014 – *Стеклова И. А.* Образ петербургской набережной в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 286–293.

- Стернин 2007 – Стернин Г. Ю. Два века. Очерки русской художественной культуры. М.: Галарт, 2007.
- Сыроечковский 1926 – Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / подг. к печати Б. Е. Сыроечковского. М., Л.: Гос. изд-во, 1926.
- Топоров 1995 – Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс: Культура, 1995.
- Успенский 2002 – Успенский Б. А. Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002.
- Успенский 2018 – Успенский В. А. Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование // Успенский В. А. Труды по нематематике. М.: ОГИ, 2018. Кн. 5. С. 253–301.
- Шведова 2006 – Шведова С. О. Александровская колонна в пространствах поэзии, идеологии, истории // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. Т. 6, № 16. С. 85–101.
- Шоломова 2019 а – Шоломова Т. В. «Урбанистическое морализаторство» как разновидность педагогической урбанистики // Историческое сознание и постматериальные ценности. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 469–472.
- Шоломова 2019 б – Шоломова Т. В. Философская урбанистика и педагогическое петербурговедение в контексте университетского образования // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4, ч. 1. С. 205–216.
- Шурыгин 1962 – Шурыгин Я. И. Борис Иванович Орловский. 1792–1837. Л., М.: Искусство, 1962.
- Янькова 1989 – Янькова Е. П. Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989.

REFERENCES

- Benoîs, A. N. (1902). Picturesque Petersburg. *Mir iskusstva*, 7(1:3), 1–5. (In Russian).
- Benoîs, A. N. [Veniaminov, B.]. (1899). Agony of Petersburg. *Mir iskusstva*, 2(15:2:2), 16–17. (In Russian).
- Brandes, G. (2002). *Indtryk fra Rusland*. OGI. (In Russian).
- Buturlin, M. D. (2006). *Memoirs of Count M. D. Buturlin* (Vol. 1). *Russkaya usad'ba*. (In Russian).
- Gromov M. N., Kozlov N. S. (1990). *Russian philosophical thought of the X–XVII centuries*. Moscow. (In Russian).
- Custine, A. (1996). *La Russie en 1839*. Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. (In Russian).

- Guzairov, T. T. (2009). Opening of the Alexander Column in St. Petersburg. In *Universitatis Tartuens Humaniora: Works on Russian and Slavic Philology* (pp. 111–127). University of Tartu Press. (In Russian).
- Ignatiev, D. Yu. (2017). Communicative ontology of the city: semiotic construction of urban phenomena. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 4(45), 27–29. (In Russian).
- Ignatiev, D. Yu. (2019). Ethos of the city from the perspective of philosophical urban studies. In *Eticheskoe i esteticheskoe v obrazovanii* [Ethical and aesthetic in education] (pp. 72–76). Herzen State Pedagogical University of Russia. (In Russian).
- Ivanov, G. V. (1994). *Sobranie sochineniy* [Collected Works] (Vol. 3). Soglasie.
- Lansere, N. E. (2012). *Staryy Peterburg* [Old Petersburg]. Kolo.
- Lelina, E. (Ed.). (2010). *Pavel I bez retushi. Antologiya* [Paul I without retouching. Anthology]. Amfora. (In Russian).
- Lerner, N. O. (1916). Lovely Petrograd. *Stolitsa i usad'ba: Zhurnal krasivoy zhizni*, 68, p. 13. (In Russian).
- Leskov, N. S. (1880). An anecdote about Emperor Alexander I. *Istoricheskiy vestnik*, 2(7), 556–557. (In Russian).
- Letyagin, L. N. (2003). Drafts and interlineators of the St. Petersburg cultural text. In *Zhiznenny mir polikul'turnogo Peterburga* [Life world of multicultural St. Petersburg] (pp. 150–155). Asterion. (In Russian).
- Letyagin, L. N. (2004). Applicant: the experience of aesthetic analytics. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 4(7), 25–33. (In Russian).
- Letyagin, L. N. (2017). Lyceum Universe of the “Porphyrogenitus Child”: Historical Morphology of Biographical Scenarios. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 3, 67–70. (In Russian).
- Lotman, Yu. M. (1983). *Roman A. S. Pushkina “Evgeniy Onegin”*: *Kommentarii* [A. S. Pushkin “Eugene Onegin”: Commentaries]. Prosveshchenie.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Izbrannye stat'i* [Selected articles] (Vol. 1). Aleksandra.
- Lotman, Yu. M. (2010). *Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury* [Unpredictable mechanisms of culture]. TLU Press.
- Lotman, Yu. M., & Uspensky, B. A. (2010). On the semantic mechanism of culture. In Yu. M. Lotman, *Semiosfera* [Semiosphere] (pp. 485–503). Iskustvo-SPb. (In Russian).
- Lukomsky, G. K. (1917). *Staryy Peterburg* [Old Petersburg]. Svobodnoe iskusstvo.
- Odoevsky, V. F. (1975). *Russkie nochi* [The Russian Nights]. Nauka.

- Panaev, V. I. (1892). Monument to Emperor Alexander I. *Russkaya starina*, 76(11), 289–295. (In Russian).
- Pruzhinin, B. I. et al. (2019). Anthropology of Museum: Conceptual Sphere of Ideas, Historical Dialogue and Preservation of Value Constants. *Voprosy filosofii*, 5, 5–23. (In Russian).
- Pushkin, A. S. (1996). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works] (Vol. 13). USSR AS. (In Russian).
- Rotach, A. L. (1966). *Aleksandrovsкая kolonna* [Alexander Column]. Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu.
- Rovinsky, D. A. (1889). *Podrobnyy slovar' russkikh gravirovannykh portretov* [A detailed dictionary of Russian engraved portraits] (Vol. 1). Imperial Academy of Sciences.
- Rozanov, V. V. (2001). *Literaturnye izgnanniki* [Literary Exiles]. Agraf.
- Rozina, I. V. (2012). Folk Song, Civil Prayer: the official national anthem of the Russian Empire. *Analitika kul'turologii*, 2, 164–166. (In Russian).
- Russian State Historical Archive. F. 516. Descr. 1 (29/1619). P. 11. *Journal of the Chamber-Fourier Part*. 1816. (In Russian).
- Sholomova, T. V. (2019a). Urban moralizing as a kind of pedagogical urban studies. In K. V. Sultanov, *Istoricheskoe soznanie i postmaterial'nye tsennosti* [Historical consciousness and post-material values] (pp. 469–472). Herzen State Pedagogical University of Russia.
- Sholomova, T. V. (2019b). Philosophical urban studies and pedagogical Petersburg's studies in the context of university education. *Idei i idealy*, 11(4:1), 205–216. (In Russian).
- Shurygin, Ya. I. (1962). *B. I. Orlovsky*. Iskusstvo. (In Russian).
- Shvedova, S. O. (2006). Alexander column in the spaces of poetry, ideology, history. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 6(16), 85–101. (In Russian).
- Silberstein, I. S. (1993). *Parizhskie nakhodki. Epokha Pushkina* [Parisian finds. The era of Pushkin]. Izobrazitel'noe iskusstvo.
- Sollogub, V. A. (1998). *Vospominaniya* [Memoirs]. Akademiya.
- Solomin, V. P., Letyagin, L. N., & Ignatiev, D. Yu. (2014). Educational universe of the city: pedagogical aspects of philosophical urbanism. *Nizhegorodskoe obrazovanie*, 2, 124–129. (In Russian).
- Steklova, I. A. (2014). The image of the St. Petersburg embankment in the novel by A. Pushkin "Eugene Onegin". *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2, 286–293. (In Russian).
- Sternin, G. Yu. (2007). *Dva veka. Ocherki russkoy khudozhestvennoy kul'tury* [Two centuries: essays on Russian artistic culture]. Galart.
- Sverbeev, D. N. (2014). *Moi zapiski* [My notes]. Nauka. (In Russian).
- Syroechkovsky, B. (1926). *Mezhdutsarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoy sem'i* [Interregnum

- of 1825 year and the Decembrist uprising in the correspondence and memoirs of members of the royal family]. Ed. by B. Syroechkovsky. Gos. izdatel'stvo.
- Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz* [Myth. Ritual. Symbol. Image]. Progress.
- Uspensky, B. A. (2002). *Etyudy o russkoy istorii* [Studies about Russian history]. OGI.
- Uspensky, V. A. (2018). *Trudy po nematematike* [Works on non-mathematics] (Vol. 5, pp. 253–301). OGI.
- Volpert, L. I. (2010). *Pushkinskaya Frantsiya* [Pushkin's France] (pp. 395–398). Tartu University.
- Vyazemsky, P. A. (2017). *Zapisnye knizhki* [Notebooks]. Zakharov. (In Russian).
- Vyskochkov, L. V. (2019). Before the interregnum. Angel Alexander and Grand Duke Nikolai Pavlovich (1819–1825). *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, 2, 65–81. (In Russian).
- Yankova, E. P. (1989). *Rasskazy babushki* [Grandmother's stories]. Nauka.
- Zaikin, I. I. (1827). *Poslednie dni zhizni nezabvennogo monarkha* [The last days of the life of the unforgettable monarch]. St. Petersburg.
- Zakharova, L. G. (1993). Diary of the Grand Duke. *Rodina*, 1, 54–59. (In Russian).
- Zhukovsky, V. A. (2001). *Proza poeta* [Poet's Prose] (pp. 60–66). Vargius. (In Russian).

Ματєριαλ ποσтупил в редакцию 02.04.2023

Ματєριαλ ποσтупил в редакцию после рецензирования 07.09.2023